

1

Телефонный звонок медленно соединяет сознание с реальностью. Прилежно поднимаюсь с постели, покачиваясь, ковыляю к сумке с телефоном. На часах три-пятнадцать, на телефоне нераспознанный номер. — Ало, — произношу тихим настороженным голосом, закалённым в офисных многоходовках. — Ало, Дима? Привет. Это Саша Ремдёнок. Помнишь такого? Извини, что ночью звоню, дело очень срочное есть, — Ремдёнок взволнованно дышит в трубку, никогда не слышал его таким возбуждённым. — Проснулся?

Мычу в ответ. — Тебе минут пятнадцать хватит, чтобы спуститься? Я водителя послал. — Очень срочное, говоришь? — в голове каша очень срочных дел, которые могут подождать до утра. Зачем директору НИИ термоядерного синтеза вдруг понадобился штатный психолог среди ночи — ума не приложу. Ремдёнок никогда не вызывал у меня опасений за своё здоровье: целеустремлённый, в меру одержимый, по-научному взбалмошенный — и вдруг звонит среди ночи, дело, видите ли, у него очень срочное есть. Ну что ж...

Одеваюсь-собираюсь, нет мне покоя ни днём, ни ночью. Выхожу на морозный воздух, сажусь в только что подъехавший служебный уазик. До института минут сорок, закрываю глаза и тут же проваливаюсь в сон.

2

— Даже не знаю, с чего начать, — Ремдёнок стыдливо улыбается, как ребёнок, пойманный с поличным. — Цепная реакция вызвала рекурсивный парадокс. Вот теперь сидим думаем, что вообще произошло. Он по-научному немногословен, не спешит делиться гипотезами. Из его рассказа понятно одно: эксперимент с радием вышел из-под контроля и привёл к неожиданному результату. — Сейчас сам всё увидишь, — Саша открывает высокую двустворчатую дверь, ведущую в павильон. Я вхожу за ним следом и замираю в изумлении. В самом центре зала на том месте, где ещё вчера стоял экспериментальный термоядерный реактор весом пять тон, возвышается светящийся куб. Токамак Глобус-М исчез, вместо него ровный десятиметровый кусок пространства, вырезанный из другой реальности. Он похож на трёхмерную проекцию, светится изнутри неоном. Под прозрачным слоем глянца кирпичный домик с двускатной крышей, зелёная лужайка. На фасаде окно с тюлевой занавеской, две ступеньки ведут к белой деревянной двери. Кусты роз разрослись вокруг дома, спускаются к реке. За рекой пшеничное поле простирается до горизонта, где сизая полоска леса сливается с синевой небесного купола и золотом пшеницы. В той реальности, освещённой ярким полуденным солнцем, зеленеет трава, лёгкий ветерок ласкает бутоны роз. В этой — учёные в белых халатиках копошатся, как сонные мухи, вокруг куба, возятся с измерительными приборами в поисках ответов. — Как думаешь, это может быть иллюзия? — Ремдёнок смотрит на меня с надеждой. Я наконец понимаю, зачем меня вытащили из постели. Дело не простое, я слышал про массовый гипноз, но ни разу не сталкивался с таким явлением. — Слушай, а у тебя есть кофе? — откашливаюсь. — А то мне кажется, что я ещё не проснулся как следует.

3

— Сначала мы думали, что события внутри — это наше время. Но теперь я всё больше склоняюсь к мысли, что мы имеем дело с иллюзией или другим измерением, — воспалённые глаза Ремдёнка светятся огнём первопроходца. Он нервно трёт руки, стучит пальцами по

крышке стола, нетерпеливо поглядывает на смотровую стену. Мы сидим в лаборантской, окно, простирающееся на всю комнату, открывает вид на павильон, где куб ровными углами свисает с возвышения. — Интересно, — я делаю небольшой глоток отвратительной жидкости с запахом кофе. В голове хаос: блуждающие мысли цепляются за обрывки фраз, ищут опору для начала отсчёта. — И как ты пришёл к такому выводу? Ремдёнок коварно улыбается. — Одежда, — говорит он. — Девушки, живущие в доме, одеты весьма специфично. — Девушки? — расплываюсь в улыбке. — Вот, я надеялся, что ты, как специалист, сможешь объяснить поведение этих девиц, — Саша усмехается, хоть, видно, что ему не до смеха. «Куда подевалось оборудование за пять миллионов евро?» — спросят у него завтра в министерстве. Ёрзаю на стуле: — Девушки могут нас видеть? — Думаю, что нет. Иначе, они бы не стали себя так вести, — он опять хихикает как нашаливший сорванец. — Ты не думаешь, что куб может взорваться? — хочется настроить Ремдёнка на рабочий лад. Саша не спал всю ночь, явно перевозбуждён. Его интерес к девушкам можно понять: в свои тридцать он до сих пор не женат, все силы бросил на науку. Он похож на Шурика из комедии Гайдая: такой же резкий, неуклюжий, забавный. Такие же очочки. Только вот волосы у него тёмные и торчат в разные стороны. — Если бы куб и хотел взорваться, то уже бы давно взорвался, — Ремдёнок демонстративно щёлкает пальцами, показывая, как быстро схлопываются альтернативные реальности. — Мы заметили, что магнитное поле, исходящее от куба, уменьшается с каждым часом. Полагаю, скоро он вообще пропадёт, и тогда прощайте девчонки, — последние слова вызывают у Ремдёнка гомерический хохот. Не могу сдержать улыбку. Нервное возбуждение Саши передаётся мне лёгким волнением.

4

Я замечаю движение занавесок одним из первых. В окне кирпичного домика появляется озорная блондинка а-ля Мэрилин Монро. Она носом приникла к стеклу, смотрит на нас любопытным невидящим взглядом, изучает обстановочку. Носик у неё смешно задирается, медленно съезжает по стеклу, губки прилипают. Она дышит, и прелестное лицико скрывается за матовым налётом конденсата. Через секунду она выскакивает как чёрт из табакерки на лужайку перед домом. На ней одежда из латекса, кожаный ошейник с кольцом. Чёрный литой корсет туго затянут шнурковкой на спине. Он, как панцирь жука, переливается бликами на солнце. Просторная чёрная юбка из латекса колышется на пышных бёдрах. Ножки затянуты в полосатые чёрно-белые чулки, они заканчиваются прозрачными силиконовыми сандаликами на платформе и шпильке. Следом за блондинкой на лужайку выскакивает шатенка в похожем костюмчике из латекса: жёлтая юбка, корсет, чёрные чулки, силиконовые шпильки, ошейник.

Обе они обладательницы идеальных по всем канонам внешних данных: прелестные личики, пышные развевающиеся волосы, большие груди, явно силиконовые. Пухленькие губки девушек тоже вызывают сомнения относительно их подлинности. Настоящие или нет, происходящее на лужайке перед домом приводит в трепет не только меня, но и группу омоновцев, охраняющую объект, и научных сотрудников, копошащихся у измерительных приборов. Девушки прижимаются друг к дружке, заигрывают языками. Их оголённые стройные руки скользят под юбки, минут попки. Я замечаю резинки от чулок из латекса, подвязки, белые блестящие трусики, тоже, видимо, из латекса. Блондинка вытягивает сиськи подруги из корсета. Те двумя сочными дынями ложатся на грудь, натянутые до предела. Невероятно толстые длинные соски топорщатся, готовые взорваться. Блондинка слегка

надавливает на груди, жадно ловит ртом соски, язык круговыми движениями теребит толстые пестики.

Вся эта картина приводит в ступор учёных, омоновцев. Охранники подтягиваются с проходной. Мы заворожённо смотрим, как блондинка склоняется к уху подружки, шепчет, поглядывая в нашу сторону. Та кивает, послушно следя за блондинкой в дом. Занавески вздрагивают. В следующий момент шатенка ладонями упирается в стекло, щекой прижимается к прозрачной поверхности. На её лице расплывается блаженная улыбка. Характерные движения сзади не вызывают сомнений: девушку трахают жёстко и быстро. Занавеска сползает, закрывая обзор. Но через минуту раскрасневшееся лицо блондинки прилипает к стеклу. Она тоже дёргается в экстазе, громко стонет, судя по мимике. Мы смущённо переглядываемся. Девушки занимаются сексом вожделённо, откровенно, не скрывая восторг, наступающий с оргазмами. Во всём этом действии присутствует ощущение фантастичности, невероятной гармонии, в которой живут девушки. — Ну что скажешь? — шепчет Ремдёнок, нервно глотая воздух. Его взгляд горит болезненным блеском, руки дрожат от возбуждения. — Ну что тут сказать, — улыбаюсь. — Если это иллюзия, то весьма красивая. 5 С самого начала Ремдёнок с коллегами усиленно исследовали свойства куба. В одном из экспериментов учёные установили механический щуп на платформе подъёмника. Робот сбрасывал шарики льда с периодичностью две минуты. Так учёные надеялись выяснить, есть ли связь нашего мира с реальностью в кубе. — Если лёд случайно и проникнет в другое измерение, то почти сразу растает. Мы ничего не нарушим, и девушки не заметят посторонних предметов, — Саша чешет нос, задумчиво улыбаясь. Шарики льда беспрепятственно летят вниз, исчезают в неоновом свете, пронзая его, чтобы через секунду приземлиться в пластиковый пакет под кубом.

Неожиданно, через три часа тестирования, один из шариков свалился на лужайку перед домом. — Ты бы видел наши лица, когда это случилось! — Ремдёнок сдержан и возбуждён. Непонятно, радуется он или боится. — Мы продолжили опыт, ускорили подачу льда и скоро обнаружили, что каждые полтора часа в кубе открывается пятисекундное окно — связь с нашим миром. Каждые восемьдесят пять минут и сорок секунд, если быть точнее. Мы сидим в смотровой, обсуждаем результаты последних исследований. Консилиум из пяти научных светил валится от усталости с ног. Их согнали ночью на охраняемый объект, заставили работать. Общее раздражение сменяется нервным хохотом. Девчонки в латексе не дают мужчинам сосредоточиться. Теории и предположения никого не интересуют. Главный вопрос — куда подевался такомак Глобус-М? И ещё эти лесбиянки в БДСМ-костюмчиках выбегают каждые два часа на лужайку перед домом, лизутся и сосутся. А потом сношаются, как черти, у себя в домике.

Старший научный сотрудник Святослав Богомир скептичен по поводу девиц в латексе: — Почему мы всё время рассматриваем события в кубе, как окно в другое измерение? — он хмурится под очками в толстой оправе. — Возможно, куб — это всего лишь результат больного воображения. — Мне казалось, мы уже исключили теорию массового гипноза, — Ремдёнок многозначительно смотрит на меня в поисках поддержки. Я киваю. — К тому же, как вы объясните физическую связь, которая возникает между нашими мирами? Нет, я считаю, мы положительно имеем дело с абсолютно реальным миром, который существует в другом измерении. Дебаты прерываются голосом ассистента из коммутатора: — Александр Дмитриевич, две минуты до открытия портала.

— Спасибо, — Ремдёнок подскакивает. Мы следуем за ним, подходим вплотную к смотровому окну. Напротив куба выстроилась немногочисленная публика: работники НИИ, омоновцы, охранники. Все хотят посмотреть, как шарик льда упадёт на лужайку перед домом. Начинается обратный отсчёт, взгляды людей сосредоточены на шариках льда, покидающих механический щуп. Они исчезают в неоновом свете, чтобы через секунду материализоваться в пакетике под кубом. Один-два-три... Каждая секунда проникнута стремлением человека к неизведанному. Остаются считанные мгновения, и вот он долгожданный шарик льда, скачущий по траве. Девушки в этот момент сидят дома. Они не видят льда, не знают наших мыслей, не чувствуют чужих глаз. Они оторваны от реальности, от нас, невидимым окном в пять секунд, мостиком, соединяющим место и время двух миров. В этот момент один из омоновцев перепрыгивает через ограждение, скачок, и вот он приземляется на лужайке перед домом. Очередной шарик льда влетает в куб и падает в пакет снизу. Окно захлопнулось.

6

Первые секунды все молчат, неотрывно следя за парнем в чёрных ботинках, камуфляжных штанах, куртке. Он оглядывается, смотрит в нашу сторону, ухмыляясь. Парню на вид лет двадцать пять. Это коротко стриженный, выточенный из гранита спортсмен, суровое лицо кирпичом. Он снимает куртку, остаётся в белой майке, которая плотно облегает бугрящиеся мышцы на груди и руках. Готовится, видимо, к встрече с лесбиянками. Мы замерли в ужасе. Шок, нереальность происходящего повергла всех нас в болезненное помешательство. Белая дверь домика открывается, на лужайку медленно выходит блондинка в латексе. Неуверенной походкой она приближается к омоновцу. Сзади появляется шатенка. Обе девушки молчат, разглядывая незнакомца. Тот подымает руки, показывая, что пришёл с миром. Парень улыбается, говорит что-то, чего мы не можем слышать. Ему остачертела жизнь в сером городе, в серых квартирах серых панельных домов. Думаю, каждый из нас прекрасно понимает его простое желание попасть к девушкам, живущим без мужской ласки.

Блондинка приближается к парню без слов. На её лице застыла понятная нам похотливое выражение. Она кладёт руку парню на ширинку, и все мы вздыхаем про себя от зависти. Парень угадал настроения в кубе, не побоялся осуществить то, о чём мы лишь мечтали. Шатенка заходит сзади, целует парня в шею. Вместе две девушки, обвивают здоровяка руками, трутся о него ножками. Парень вытягивает буфера блондинки из корсета, жадно присасывается к соскам. Ему нечего стесняться. Поглядывая в нашу сторону, он ухмыляется. Водит языком по тёмным ореолам. Только сейчас ротик Мэрилин, как мы успели окрестить блондинку, открывается. Она возбуждённо хватает воздух. Парень цепляет пальцем кольцо в ошейнике, тянет девушку вниз. Шатенка уже стянула с него штаны. Белые трусы опадают к щиколоткам. У него толстый длинный член, стремительно задирается, обнажаясь в головке. Розовый яйца двумя орехами красочно свисают, колыхаются. Ладони шатенки гладят белые ягодицы, блондинка послушно опускается перед парнем на коленки, присасывается губами к мошонке.

Народ в павильоне ошеломлено переглядывается, такого порева никто не ожидал от Лёхи Картузова — так зовут парня. Он целует взасос шатенку, их языки бьют чечётку на глазах всего учёного совета, братьев по оружию, охранников. Член Лёхи торчит под углом сорок пять градусов, это длинный мощный инструмент, который не даст девушкам соскучиться в ближайшие сутки. Как знать, сколько выдержит Лёха? Но секс-марафон ему точно обеспечен. Голодные сучки в латексе окончательно стягивают с него всю одежду.

Блондинка посасывает член, двумя руками массируя яйца, шатенка продолжает работать языком, притираясь сзади. Внезапно язык блондинки вытягивается на двадцать сантиметров и мёртвой петлёй обхватывает член и мошонку у корня. Такой же длинный, как удавка, язык шатенки стягивает шею Лёхи, уже проявила змеиную натуру. Она плюёт в анус Лёхи, садится и целиком вгоняет кол в зад парня, расщепляя его пополам. Её необычный член удлиняется нечеловескими темпами. Он похож на бейсбольную биту с наболдашником. Мэрилин агрессивно работает бёдрами, прибивая Лёху к лужайке. Она выбивает из него дух, пока подружка, оседлав шею, придавливает его спереди. Лесбиянки целуются, каждая по-своему решая задачу с порабощением. Член шатенки задирается в такую же биту, он головкой с кулак достаёт до грудей, трётся об них. Мэрилин присасывается к члену подруги. Сношая Лёху, она сосёт член подруги. Вместе они обсасывают ствол, целуя его с двух сторон.

В зале устанавливается мёртвая тишина. Ремдёнок не бегает, восторженно махая руками, учёные не следят за экранами приборов. Омоновцы, понурив головы, отошли в сторону. Охранники вернулись на проходную. Внештатная ситуация, можно сказать ЧП, вызывает переполох у начальства. Появляются военные с автоматами. Они расставляют охрану по периметру. Нас отгоняют от куба. Я и Ремдёнок уходим в кабинет, откуда наблюдаем за животным совокуплением в кубе.

7

Проходит час. Картузов ещё живой. Хотя от него мало осталось. Девушки не убили его, но затрахали до обморока и кровотечения из ануса. Они притащили огромную конуру, обитую железом, цепью приковали Лёху за стальной ошейник. Теперь он сидит перед будкой, сложившись пополам, судя по мимике, стонет от боли. На красном поникшем лице не осталось ничего человеческого. Перед ним глубокая миска с кашей, похожей на блювотину. Иногда девушки подходят к Лёхе и тыкают его лицом в кашу. У них ненормальная эрекция, они сношают парня каждые пол-часа. Акт длится пять-десять минут, в зависимости от настроения. Они сменяют друг друга, кончают густо и много: на спину, лицо. Их яйца размером с кулак прижаты к паху, вылезают из мехового мешка во время секса. Мэрилин подобрала Лёхины оторванные гениталии, бережно упаковала их в пластиковый пакетик и занесла в дом. Ремдёнок с горя открыл бутылку виски. Теперь он не отделяется обычным разбирательством в министерстве. Дело приобретает уголовный характер. До сих пор он оптимистично смотрел на вещи, намеревался приподнести произошедшее как прорыв в науке. Теперь он сбавил энтузиазм.

— Думаешь, они пошлют группу захвата? — Саша потягивает виски. На его хмуром лице установилась печать безразличия. — Вряд ли. Никто ведь не знает, как оттуда выбраться, — мне тоже неприятно думать о случившемся. Я вздыхаю: — Главное теперь, чтобы эти существа не выбрались из куба. Это ведь в принципе возможно? — Может быть. Никто не знает, — Ремдёнок хмурится ещё больше. Не каждый день стоишь во главе эксперимента, который, возможно, ставит на карту судьбу всего человечества. — И что нам теперь делать? — я жестом прошу налить мне вторую порцию. — Ждать и надеяться, что куб исчезнет. Судя по датчикам, уже недолго осталось.

8

Полковник Рыженков, взявший на себя командование в павильоне, решил не лишать учёных возможности проводить измерения. Весть о том, что куб скоро схлопнется, приободрила военных.

Никто не хочет ввязываться в борьбу с иноземными существами, которые не смотря на внешнюю привлекательность, обладают убийственными способностями порабощать людей. Картузов научился есть блевотину, которую ему подсовывают в миске. Вопреки прогнозам, он не умер и выглядит более-менее сносно. Девушки вставили ему в анус расширитель, похожий на огромную полую катушку ниток. Теперь в его заднице постоянно зияет огромная дырка размером с кулак. Лёха безропотно подчиняется командам во время секса. Девушки стегают его хлыстом по спине, если он отказывается открывать рот.

Улучив момент, Мэрилин камнем выбила Лёхе передние зубы. Её слюна, обильно опустившаяся ему рот, остановила кровотечение. Лёха корчился от боли, но слюна вновь привела его в чувства. Похоже, она обладает обезболивающим эффектом. В следующий раз девушки взялись трахать парня с двух сторон. Не стесняясь в движениях, они просунули члены в рот и анус, полностью погрузив заданные бивни в парня. Он давился, валился с ног, но деваться ему было некуда. Судя по лёгкости, с которой девушки вращали стокилограммового Лёху на членах, они обладали нечеловеческой силой. Прошло три часа, и новое пятисекундное окно вот-вот должно открыться. Мы стоим у смотровой, напряжённо вглядываясь в лужайку перед домом. Затраханное тело парня валится на траву после каждого соития. Он в бреду закрывает лицо руками, губы шевелятся, взгляд обращён к небу. Девушки не отходят от Лёхи ни на минуту. Сперма сочится у него из ануса, иногда он сблёсывает спермой, похоже, его желудок тоже переполнен. Вся эта картина вызывает ярость у военных, особенно у Рыженкова, который рвёт и мечет. Так ему хочется заскочить в куб, чтобы отомстить за Лёху. Автомат в его руках постоянно направлен на куб. Лишь указания сверху удерживают полковника от опрометчивого поступка. Начинается обратный отсчёт. Военные держат куб под прицелом. Пять-четыре-три... Большое электронное табло не может ошибаться, его специально запрограммировали, чтобы сообщать о пятисекундной опасности. Два-один.

Мимо военных пролетает белая тень. Прыжок, и человек в кубе.

Военные орут, как ненормальные. Рыженков бегает с пистолетом наголо, его лицо перекошено от ярости. Все глаза устремлены на безумца, который отважился заскочить в куб. Это несравненный Святослав Богомир — грузный сорокалетний мужчина с плешью, в очках, поросший чёрной бородой с проседью. Он похож на моржа — такие же провисшие щёки, заплыvший взгляд под бровями. Добряк барахтается на траве перед домом, медленно стягивает с себя белый халатик, остаётся в чёрном костюме из латекса. У людей в зале отваливается челюсть. Богомир в водолазном костюме ползёт на карачках к девушкам, целует им ноги, вылизывает ступни. Они изумлённо осматривают место проникновения в куб, переговариваются. Шатенка бежит в дом, возвращается с Лёхиными гениталиями в пакетике. Разгоняется и швыряет их в нашу сторону. Гениталии влетают в павильон, шлёпаются на пол. В мёртвой тишине, военные отступают, приседают и прячутся за приборы. В их глазах ужас, хорошо скрываемый немым желанием подчиняться полковнику.

Тот отдаёт приказы. Звучит залп, один, второй, военные открывают огонь на поражение. Стена за кубом покрывается дырками, побелка сыпется на пол, разлетается на мелкие осколки. Мэрилин тем временем забегает в дом, выносит чёрный пульт с кнопками, похожий на пульт от телевизора. Она направляет руку в нашу сторону, произносит заклинания, нажимает на кнопку. В следующее мгновение куб схлопывается и исчезает подобно изображению на телевизоре.

В кабинете Богомира царит стерильная чистота. В жизни не встречал более аккуратного рабочего места. На столе записка. Каллиграфический почерк Святослава встречает нас взвешенными рассуждениями о человеческих слабостях: «Дорогие коллеги, друзья! (семьи у меня нет) Прошу простить меня за то, что не рассказал вам всё сразу. Я боялся, что меня примут за сумасшедшего. В моей фантазии нет места насилию, убийствам, поэтому людям нечего бояться. В ночь, когда произошёл рекурсивный парадокс, я работал на токамаке. Непредвиденный выброс энергии вызвал парадокс, и так случилось, что луч лазера, направленный на атомы радия, отразился от зеркальца и попал мне в голову. Я не придал этому значения, пока события в кубе не приобрели знакомый характер. Теперь я абсолютно уверен, что мои сексуальные фантазии материализовались в другом измерении.

К несчастью молодой ни в чём неповинный парень стал жертвой собственной фантазии. Я ухожу в мир, созданный моим воображением. Он не враждебен и не представляет опасности. Все свои сбережения прошу передать родственникам Алексея Картузова. Надеюсь, скоро мы станем хорошими друзьями (подругами в нашем случае). Искренне Ваш, Святослав Богомир».

Вечером второго дня, когда военные уже покинули НИИ термоядерного синтеза, уборщица обнаружила в углу зала пластиковый пакет залитый изнутри кровью, заполненный мягкими тканями. Она принесла находку в кабинет Ремдёнка, он всё ещё руководил лабораторией. Мы как раз допивали бутылку виски, когда уборщица внесла пакет с кровью и торжественно вручила его Александру Дмитриевичу. Гениталии Богомира не сильно удивили нас. — Главное, чтобы эта фантазия теперь оставалась невидимой и недоступной, — проворчал Саша. — А то мало ли, что ещё тут нафантазирует. Он швырнул пакетик в мусорку и переключился на токамак. Фантазия Богомира стоила институту как минимум пяти миллионов евро, а одному невинному омоновцу свободы. — Ну вот из какой задницы я теперь достану этот грёбаный токамак, а? — захмелевший Ремдёнок бухает кулаком по столу. — Мечтатели-сосатели, блин. Понашибали из газет придуров, — он гневно сжимает кулаки. Я его отлично понимаю. Отдуться будет нелегко. Попробуй докажи теперь в министерстве, что случившееся — больная фантазия одного неженатого учёного. — Гипноз, несомненно гипноз. Плюс массовый психоз с сексуальным расстройством, — поддакиваю, как могу, составляя отчёт.